

П. В. Знаменский

ПЕЧАЛЬНОЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЕ

Москва 2004

ББК 86.372
372

Издание подготовлено ПКИ — Переславской Краеведческой Инициативой.

Редактор А. Ю. Фоменко.

Впервые опубликовано в журнале «Православный Собеседник» в 1896 году и отдельным оттиском в Казани, Типо-литография Императорского Университета, 1896.

Знаменский П. В.

372 Печальное двадцатипятилетие / П. В. Знаменский. — М.: MelanarЁ, 2004. — 19 с.

Некому писать аннотации, всем плевать на Родину.

ББК 86.372

© Пётр Васильевич Знаменский, 1896.
© MelanarЁ, 2004.

Об авторе

Пётр Васильевич Знаменский — выдающийся историк русской церкви.

Он родился в 1836 г., кончил курс в Казанской духовной академии и занял в ней кафедру русской церковной истории. Получил степень доктора за диссертацию «Приходское духовенство в России со времени реформы Петра» (Казань, 1872).

Церковную жизнь и народные верования Знаменский не ставит в изолированное положение, отрешённое от всех остальных проявлений народной и общественной жизни. Очень ценны и монографические исследования Знаменского по истории русского общества и русской образованности. В «Описании рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии» (вышло 3 тома) рукописи исторического содержания описаны им одним.

Предлагаемое здесь сочинение впервые издано в журнале «Православный Собеседник», № 1, 1896. Этот биографический очерк повторен с дополнениями и исправлениями в предисловии ко 2 изданию книги архимандрита Феодора Бухарева «О Православии в отношении к современности», СПб., 1906 г. — но мы покамест этого не нашли, а потому даём текст по журналу.

Вторая работа профессора П. В. Знаменского о Бухарева — «Богословская полемика 1860-х годов об отношении православия к современной жизни». Она вышла в журнале «Православный Собеседник» в 1902 году и отдельным оттиском в Санкт-Петербурге в 1906 году. Когда мы отыщем её, она будет добавлена в это же издание.

Пожалуйста, помогите нам найти эту статью!

Печальное двадцатипятилетие

с. 3 2 апреля текущего года исполнилось ровно 25 лет со дня кончины одного из симпатичнейших и оригинальных русских богословов, Александра Матвеевича Бухарева, имевшего в своё время немаловажное значение для Казанской академии. Академия знала его как о. архимандрита Феодора, своего инспектора и лучшего из своих профессоров богословов, достойно конкурировавшего с другим современным богословом академии, архимандритом Иоанном, после епископом смоленским.

Печальна была судьба о. Феодора. Ему привелось сыграть в своей недолгой (47-летней) жизни глубоко трагическую роль безвременного, никем не признанного и отсюду гонимого пророка-провозвестника высоких религиозных идей совсем не понимавшему его обществу, а между тем сжигаемого самою пламенной ревностью к их проповеди, готового за них на все лишения, на всякое самопожертвование и очутившегося от того в самом фальшивом положении, которое со временем довело его до рокового и пагубного для его святой прежде репутации шага, — до снятия священнического сана, и наконец до преждевременной кончины среди жалкой заброшенности и незаслуженного забвения.

с. 4 С своей самобытной богословской системой и особенно с своим непреодолимым стремлением к религиозной публицистике, к проведению своих религиозных идей в общественную жизнь он явился действительно не во время. В конце 1840-х годов и до конца 1850-х наша богословская наука не допускала в своей теоретической области никакого проявления самостоятельной мысли и ни малейшего отступления от принятых издавна внешних схоластических шаблонов в определениях, аргументах, даже терминах, а её прикладная часть, проявлявшаяся во всякого рода церковном учительстве, упорно витала в одних высших сферах совершенно отвлечённой, ни к кому и ни к чему в частности не относящейся морали, считая для себя спуститься с этих высот поближе к живым людям и к текущей действительности чем-то крайне неприличным и даже унижительным для самой церкви. Богословы того времени, выдававшиеся чем-нибудь особенным (Иннокентий Борисов, Иоанн Соколов, Никанор Бровкович и другие), большею частью подвергались осуждению и разным неприятностям, особенно за попытки придать более живой и общественный характер своей церковной проповеди.

с. 5 Ф. Бухарев стал проявлять свою богословскую самостоятельность и общественное направление весьма рано, одним из первых духовных лиц, в конце 40-х годов. В 1846 г. он кончил курс в Московской академии, вскоре был пострижен в монашество и определён бакалавром при той же академии. На молодого талантливого и благоговейного инока обратил своё благосклонное внимание митрополит Филарет и стал его покровителем. В 1852 г. о. Феодор был сделан экстраординарным профессором, а в в 1853 г. посвящён в архимандрита. В течение 8 лет московской академической службы он работал очень усиленно. Почти все его последующие литературные труды были подготовлены именно за это время. Несколько работ его было напечатано тогда же в московском академическом журнале, каковы исследования: «О втором псалме»,¹ «О второй части книги пророка Исаяи»² и «О послании апостола

¹Феодор, архимандрит. О втором псалме / Архимандрит Феодор // Прибавление к творениям святых отцов. — 1849. — № 8.

²Феодор, архимандрит. О второй части книги пророка Исаяи / Архимандрит Феодор // Прибавление к творениям святых отцов. — 1850. — № 9.

Павла к Филиппийцам».¹ Тогда же определилось в достаточной полноте и его богословское направление, как в научном, так и в практическом отношении.

Преподавая святое Писание, он особенно серьёзно занялся изучением посланий святого апостола Павла и был сильно поражён глубиной и некоторым вдохновенно-исследовательным характером его учения, касающегося самой сущности христианской веры, и решился принять его в основу и образец своих собственных богословских занятий. В посланиях апостола Павла, писал он в своих лекциях, изданных после под заглавием «Несколько статей об апостоле Павле»,² «мы имеем не только вообще божественное руководство для веры и деятельности христианской, но ещё в особенности самим Духом истины начертанный образец исследований о предметах истины Христовой». «Поставляя себя пред суд слова Божия, преданного Павлом,.. мы можем сказать, что дело истолкования святого Писания (то есть курс лекций по священному Писанию) стараемся мы утвердить на основании и нести в порядке, раскрытом именно из учения апостола Павла». Этот курс московских академических лекций по священному Писанию издан им в 1860-х годах в нескольких сочинениях о разных книгах Ветхого и Нового Завета и составляет прекрасно разработанный, строго систематический и полный обзор всей Библии и всей библейской истории домостроительства Божия о спасении рода человеческого, составленный действительно по учению святого апостола Павла. Послания самого апостола он изучил так внимательно, что, можно сказать, вжился в их высокое учение, всецело усвоил образ их воззрений и отчасти самый даже их язык. Плодом этого изучения было его капитальное сочинение об апостоле Павле, представленное на суд митрополита Филарета для напечатания в московском академическом журнале: «Прибавления к творениям святых отец». Но строго-консервативный московский святитель нашёл эту попытку обследовать писания великого апостола и изобразить самый дух и систему его боговдохновенного учения слишком самонадеянную для юного монаха-богослова и не пустил его сочинения в печать. Это был, кажется, первый удар для ревности горячего и стойкого в своих религиозных убеждениях о. Феодора. Не попал этот основной труд его и в казанский академический журнал, куда он был представлен автором по переходе в Казанскую академию. Преосвященный Григорий в 1855 г. совсем было порешил напечатать его в первой книжке только лишь открытого в этом году «Православного Собеседника», но потом почему-то отменил своё распоряжение. Сочинение (едва ли в полном виде) было напечатано о. Феодором на свой счёт отдельной книгой уже в 1860 году.

с. 6

За первой неудачей последовали другие. Следя за развитием домостроительства Божия и внутренней духовной жизни человечества по обоим заветам, профессор стал прилагать библейские типы духовных состояний, тоже больше под руководством апостола Павла, к нравственно-религиозному состоянию современного ему общества. Особенно занимали его два направления в недрах современного христианства, — духовно-языческое, когда началом мысли и деятельности у христиан бывает не Христова истина и благодать, а идолы человеческого я, человеческого разума, страстей, расчёта житейского, и духовно-иудейское, когда христианин руководится духом подзаконной, иудейской праведности, стремящейся оправдаться одним бездушным формальным соблюдением закона и заменяющей эту фарисейскую правду благодатную правду Божию о Христе. Стремление внести свет истины Христовой во все, даже такие области жизни, которые постоянно обособляются от религии, как специально мирские, светские, заставляло его близко следить за современной мирской жизнью или точнее — за светской литературой, которая для кабинетного труженика-монаха была почти единственным показателем состояния этой жизни. О. Феодор очень много занимался светской литературой, особенно Гоголем, к которому (в 1848 г.) написал свои известные три письма и которого он называл «сыном Христовым». По его возвышенному и всё примиряющему богословскому воззрению, человек весь, со всеми своими силами, принадлежит Единородному, принявшему на Себя всё человеческое, кроме греха, а потому мы должны, с одной стороны, стоять за всё своё истинно-человеческое, как за Христово, а с другой, — не имеем уже и права стоять за что-нибудь истинно-человеческое не во Христе, как за нечто не Христово, не относящееся к области Его владения, как

с. 7

¹Феодор, архимандрит. О послании апостола Павла к Филиппийцам / Архимандрит Феодор // Прибавление к творениям святых отцов. — 1854. — № 13.

²Феодор, архимандрит. Несколько статей об апостоле Павле / Архимандрит Феодор. — Спб., 1860.

за нечто самостоятельное. Оттого презирать, например, разум человеческий или творческую фантазию будет так же не по Христе, как и отделять их от света Христова, точно нечто ему чуждое, языческое. Единородный принял в Своё Я и разум человеческий, и творческую фантазию, и все душевные способности и, вознесшись с ними на небо, уже веками не отречётся от них. Поэтому и вся наука, и литература, и всякое искусство, и ремёсла, и политика, и вся общественная и семейная жизнь, — всё без исключения в мире христианском должно непременно возглавляться в Единородном, Который и Сам поставил Себя на земле во все условия человеческой жизни, всё искупил ценою Своей крови и служит единым источником и основанием всякого блага, истины и красоты; вне Его благодати, в отрешении от Его возглавления всё неизбежно обездушивается и погружается в языческую мертвенность. Проповедь бесконечной любви Божией, явленной в Единородном, в Его Божественном снисхождении на землю, во все условия земного быта, для возведения всего земного к небесному, божественному, сделалась задачей всей жизни о. Феодора, которой он служил от всей своей любящей души и которой ни для чего не изменял ни при каких обстоятельствах.

с. 8

В общих очертаниях такое высокое, чисто Павловское богословское мирозерцание с православной точки зрения не могло, конечно, возбудить никаких недоумений; но до митрополита дошли сведения, что молодой профессор монах слишком уже много уделяет внимания светской литературе и допускает весьма рискованные для того времени приложения этого общего мирозерцания к разным сторонам современной жизни. Московский святитель отнёсся к нему весьма строго и сделал ему суровый выговор за его небезопасное по тому времени направление, наказав заниматься усерднее своим делом и не вмешиваться в дела посторонние и в светскую литературу. В своих воспоминаниях о митрополите Филарете, найденных в бумагах А. М. Бухарева и изданных в «Православном Обозрении» уже в 1884 году,¹ автор с грустью указывает на то, что Филарет будто бы уже слишком резко отделял светскую литературу, как и всё вообще светское, от духовной, Христовой области, ставил оттого всё светское уже вне церковного внимания и воздействия, и при этом описывает сейчас приведённое столкновение с ним. Рассказ оканчивается, впрочем, тем, что чрез несколько времени ему, Бухареву, удалось разъяснить Владыке свои мысли и что Владыка его понял и утешил ласковым приёмом и благословением.² По всей вероятности, митрополит понял главным образом то, что такой невинный в житейских делах и созерцательный инок, совершенный младенец о Христе, в своих речах о современности едва ли может задеть кого-нибудь или что-нибудь сколько-нибудь опасным образом, и успокоился.

с. 9

Но спокойствие это было непродолжительно. Предметом нового неудовольствия владыки было толкование о. Феодором Апокалипсиса. Следя шаг за шагом за развитием двух заветов, профессор дошёл и до этой таинственной книги будущих судеб человечества и многое для него в приложении к современности озарилось в ней поразившим его светом. Это был канун нашей восточной войны, когда, при патриотическом возбуждении общества, в последнем, среди разнообразных выражений негодования против европейских врагов России, немало ходило и апокалипсических толкований. О. Феодор тоже пустился в своеобразные религиозные толкования современного состояния мира и политических событий по Апокалипсису. Толкования эти стоили ему потом многих нравственных страданий. В академии на него взглянули как на человека слегка повихнувшегося разумом. Такой взгляд на него высказывает, например, в своих записках «Из пережитого»³ один из его сослуживцев профессор Гиляров-Платонов, рассказывая об нём, как с Апокалипсисом и историей Лоренца в руках он толковал судьбы мира, оценивая библейски Наполеона III, лорда Пальмерстона и лорда Непира и прочих. Митрополит тоже был против его толкования на Апокалипсис и, по рассказу того же Гилярова-Платонова, увещевал о. Феодора отказаться от своих притязаний на понимание таинственной книги и смирить гордость самомнения, притом не ос-

¹Феодор, архимандрит. Воспоминания о митрополите Филарете / Архимандрит Феодор // *Православное обозрение*. — 1884. — № 4. — С. 717—749.

²Там же. — С. 746.

³Гиляров-Платонов, Н. П. Из пережитого. Автобиографические воспоминания / Н. П. Гиляров-Платонов. — М., 1886. — Т. 2. — С. 290—291.

новательного, но, по свидетельству самого Феодора,¹ всё-таки оценил его замечательный труд и среди самых увещаний ему заметил однажды: «Мерцание света ты в Апокалипсисе видишь». В устах авторитетного святителя, далеко не щедрого на похвалы, это слово значило весьма много и о. Феодор подчёркивает его с видимым утешением. Толкованию его на Апокалипсис посчастливилось, как увидим, ещё менее, чем сочинению об апостоле Павле.

Митрополит был милостив к нему до самого конца его московской службы и при переводе его из Московской академии в Казанскую прямо выразился: «Он был полезный человек; желаю, чтобы был полезен и там». Не мог не ценить он и богословских идей о. Феодора. Но этот полезный человек не подходил под общий, давно образовавшийся и привычный, уровень окружавшей владыку московской духовной учёности, высовывался из этого уровня, служил предметом разных сомнений, беспокойства, и митрополит постарался сбить его от себя с повышением в казанскую академию (к сентябрю 1854 г.). Так представляет это дело Гиляров-Платонов, да и сам о. Феодор с горечью потом выражался, что попал в Казань благодаря именно митрополиту Филарету.

В Казани положение его однако значительно улучшилось. Его встретили здесь в академии, как человека весьма интересного, в некотором роде даже запрещённого. Было много толков и об его апостоле Павле, и об Апокалипсисе, и об истолковании I главы Бытия о миротворении, и об его письмах о двенадцатых праздниках, — тоже не одобренных в Москве произведениях. Его чтения этих произведений в аудитории слушались с жадностью. Сам ректор Агафангел однажды выпросил у него почитать рукопись толкования на Апокалипсис и тихонько от автора дал её переписать для себя студентам, точно так же, как ещё раньше он снял копию с добытого у преосвященного Григория (после митрополита петербургского) секретного отчёта Мельникова о состоянии раскола в Нижегородской губернии. Узнав об этом, о. Феодор остановил предприятие ректора. Проводить свои задушевные идеи в печати о. Феодору не удавалось и в Казани, хотя в академии только лишь основался тогда свой академический журнал и заметно нуждался в сотрудниках. Мы упоминали уже, что статьи о. Феодора об апостоле Павле почему-то не попали в «Собеседник», хотя и были назначены преосвященным Григорием в первую же книгу журнала, — вероятно, преосвященный Григорий узнал об них мнение московского митрополита. Но о. Феодор успокоился на том, что с профессорской кафедрой и затем инспекторской должностью получил полную возможность проводить свои богословские воззрения словом и делом в кругу студентов.

Студенты с самого начала полюбили его от души, потому что он и сам весь дышал любовью. Мы уже имели однажды случай очертить его личность как по собственным воспоминаниям, так и по чужим современным записям, написанным под самыми свежими, непосредственными впечатлениями, — это в нашей «Истории Казанской академии». Читатели не посетуют, если мы повторим здесь некоторые черты воспроизведённого нами тогда симпатичного образа о. Феодора, — подобных портретных характеристик нельзя ведь создавать несколько раз заново.

Это был маленького роста, очень худой, почти бескровный монах, с крупно развитым черепом, с постоянно улыбающимся, добрым и милым лицом и каким-то мечтательным взглядом больших ясных глаз. Жизнь вёл он аскетическую, благоговейную, молитвенную и считался вполне святым человеком. Он весь жил возвышенной, всеобъемлющею идеею Единородного Сына Божия, на Котором вся, во всей полноте божественной, почилла любовь Отца со всеми силами Святого Духа и уже чрез Него только изливается на всё существующее, храня и благоустраивая всяческая, Который есть источник живота для всего мира, Агнца, принявшего в существо Своего Я всё человеческое и всё искупившего и освятившего кровию Своего заклёния. Всё человеческое оттого стало уже собственностью Единородного и каждое наше действие должно уже совершаться во Христе и по образу Христа, как бы ни было оно иногда маловажно, должно совершаться, как дело Божие, богослужение, участие в искупительной тайне Единородного; дело дурное или только совершенное не по Христе — это отделение от Него — единого источника жизни и любви Божией, отвержение от этой любви и омертвление, и мы все должны принимать это омертвление, кем бы оно

¹Феодор, архимандрит. Воспоминания о митрополите Филарете / Архимандрит Феодор // Православное обозрение. — 1884. — № 4. — С. 747.

с. 10

с. 11

с. 12

ни было допущено, как своё собственное, потому что мы все уды одного тела, следовательно, и жизнь и омертвление у нас общие, страдать за всех по образу Христа, сраспинаться Христу и за себя и за других одинаково. Говорил он всегда с одушевлением, горячо, нервно, с неровными интонациями голоса, поминутно срывавшегося от слабости дыхательных органов, то останавливался от недостатка слов для выражения своей высокой и трогательной идеи, или как бы в услаждении её созерцанием, то вдруг начинал быстро-быстро выбрасывать мысли одну за другой в порывистых выражениях. Во время своих лекций или частных наставлений он забывал и время, и свои силы, и говорил до изнеможения, стараясь влить в душу слушателя всю свою мысль и всю свою любовь к Единородному. Таков он был и в аудитории, и у себя дома, и в гостях у разных городских своих почитателей и почитательниц, у которых завелись даже особые «вечера с о. Феодором». Когда он служил в церкви, богослужение всегда затягивалось надолго. В это время он был весь религиозный энтузиазм, способен, кажется, при первых же словах возгласения имени Отца и Сына и Святого Духа погрузиться в свои умиленные и молитвенные размышления о тайне святой Троицы до тех пор, пока не натолкнут его на продолжение возгласа со стороны.

На своё инспекторское служение он тоже смотрел как на богослужение. Сообразуясь, по своей религиозной системе, Единородному, он сам, так сказать, принимал на себя зрак студента, смотрел на себя как на члена одного с студентами тела, одной маленькой Христовой церкви с одной общей жизнью всех её членов, каждую вину студента считал своею, страдая за неё, как за проявление собственной мертвенности вследствие удаления от Единородного. Дисциплинарная система инспекции была совершенно противна его убеждениям; он смотрел на неё, как на подзаконное пестунство, основанное на одном только внешнем бездушном законе, на страхе, работающем *точию пред очима*, чуждом любви и свободы чад Божиих. Он не начал, не бранил провинившегося студента, а страдал за него, распинался, во гроб полагался, делая участником его вины и себя самого; он готов был часа два и больше то с ужасом, то с истинною скорбью толковать с провинившимся об его уклонении от союза с Единородным и омертвлении, нервно ходя с ним у себя по комнате, теребя его за руку, за пуговицы или судорожно обнимая его голову и ни на минуту не присаживаясь на место. Такая инспекция была, пожалуй, тяжелее дисциплинарной, соблюдавшей только известное приличие *пред очима*, но студенты любили своего инспектора и с какой-то даже нежностью берегли его от огорчений, — он был такое нервное, хрупкое существо, так близко всё брал к сердцу и так страдальчески сраспинался за них Единородному, что было крайне жалко и бессовестно его огорчать и не делать ему всяческих, иногда и не совсем даже приятных уступок, когда, например, он умилился стройным и осмысленным пением студенческого хора и затаит на полчаса и более утреннюю или вечернюю молитву разными вставками догматиков и целых канонов; — он так при этом трогательно слушал и умилялся, что для его религиозного услаждения можно было петь и дольше того. Только раз как-то студенты вывели его из себя, — он осердился, стал толковать, что кто не хочет повиноваться власти по Евангелию, того нужно принудить, как ветхозаветных людей, законом, и забавно грозился пред молодёжью, говоря словами апостола Павла: «с палицею ли прииду к вам?» Но дело кончилось тем, что он сам же испугался такой своей подзаконной строгости, стал беспокойно раздумывать, как он после сам писал об этом случае,¹ «не гну ли де я, не ломаю ли в чём эти молодые ветви, не подавляю ли в них чего лучшего, Христова» и так далее, и сознав свой ужасный деспотизм, сам же первый пошёл на уступки и примирение, без которого не могла найти себе покоя его любящая душа.

На своей богословской кафедре он был таким же любящим, всепримиряющим, одушевлённым и глубоко убеждённым учителем. Он говорил только то, в чём душевно, религиозно был убеждён сам и о чём даже не мог не говорить, потому что, сообразуясь Единородному, принявшему на Себя с разумом человеческим и все людские невежества, чтобы озарить их Своим Светом, сам принимал на себя вину неведения Христовой истины всех своих слушателей и считал за свою душу страшную ответственность, если не приведёт их вместе с собою к единому истинному Свету. Занявшись разъяснением известного богословского предмета, он разъяснял его, подходя к нему с разных сторон, с заметным усилием побо-

¹Бухарев, А. М. Современные духовные потребности мысли и жизни, особенно русской / А. М. Бухарев. — М., 1865. — С. 481.

роть свой природный недостаток ясного стиля речи, до тех пор, пока не убеждался, что его поняли и что яснее сказать он уже ничего не может. Редкая лекция его не выступала далеко за пределы казённого звонка. Не ограничиваясь занятиями в аудитории, он при всяком удобном случае, когда встречался с студентами, у себя, в студенческих помещениях, на прогулке, подолгу продолжал разъяснять предметы своих лекций.

Понимать его было действительно нелегко, как по не совсем достаточной ясности и внешней упорядоченности его импровизации, так и по своеобразному, непривычному для его слушателей складу его аргументации и самой его богословской системы. Он говорил о богословских предметах большею частью весьма известных, почти катехизического характера, но они так у него комбинировались, что из них возникала необычайно возвышенная, высоко созерцательная богословская система, притом живая, всеобъемлющая, дающая решение на все религиозные вопросы, успокаивающая душевные сомнения и тревоги, и такая стройная по своему систематическому складу, что могла целиком и почти сама собою сводиться к самому ограниченному числу общих богословских формул, основных богословских положений — аксиом, взятых большею частью у апостола Павла, и затем снова развиваться из них во всё разнообразии своих неисчислимых частных положений и всякого рода созерцательных, догматических и жизненных подробностей. Видно было, что эта система была плодом долгого изучения святого Писания и отцов церкви и вместе многолетних глубоких дум сильного и самостоятельного богословского ума. Аргументация и вообще метод профессора были тоже вполне самостоятельны. Это был не обыкновенный, привычный в систематическом богословии рассудочный метод, а метод религиозно-созерцательный, верою разумевающий и разумевая верующий, которым любили пользоваться отцы церкви IV и V веков, исходным пунктом которого и первым основанием служит откровенная истина, продолжением — раскрытие и уяснение этой истины мыслию сердечной и тёплой веры, а результатом является усвоение её не одним рассудком, а целостное — всеми силами человеческой души. О. Феодор не строил силлогизмов, не приводил мнений каких-нибудь немецких богословов, не полемизировал, не прибегал ни к каким другим подобным приёмам научного, или, точнее, рассудочного богословия, — он прямо брал в основу своей лекции текст святого Писания, углублялся в него и развивал смысл и покоряющую дух силу Божественной истины из неё же самой, как глубоко и живо верующий мыслитель христианин, для которого истина эта есть не просто лишь мысль, идея, вполне согласная с разумом и вполне достойная разумной веры, но есть вместе с тем дух и живот, коренная основа всей духовной жизни человека.

с. 15

О. Феодора часто обвиняли в мистицизме; но он не был мистиком в собственном смысле этого слова, не витал в одних, чуждых действительности, высоких мистических сферах. Он крепко держался своего рода реальной почвы. Почва эта была именно земля, на которую сходил Сын Божий, чтобы всё земное поднять до небесного. Человек, так живо сочувствовавший всем лучшим стремлениям и движениям своего, необычайно оживлённого времени, так высоко ценивший разум человеческий, светское искусство, всё вообще человеческое, не мог быть мистиком; он был настоящей мыслитель, только теоретик или созерцатель, воспитавшийся в исключительно религиозном духе и в уединении монашеской кельи, а потому оставшийся навсегда настоящим младенцем о Христе, мало восприимчивым к приражениям низменной и грешной нашей действительности с её разнообразными компромиссами, слабостями и удалениями от религии, склонным развивать свои религиозные идеи с самой неуклонной прямолинейностью и до последних крайностей. Слушая его одушевлённые речи об Единородном, о сообразовании Ему, о возглавлении в Нём всех подробностей и мелочей даже обыденной жизни и во всех её сферах, образованный слушатель невольно думал про себя: «Какое это высокое, чисто апостольское и всеобъемлющее учение! Но какое же ты, учитель мой, умилительно чистое и невинное дитя!» К обвинению о. Феодора в мистицизме главным образом и подало повод это его исключительно религиозное направление и ещё некоторая туманность его изложения, которая делала течение его мыслей часто едва уловимым не только при слушании, но даже и при чтении.

с. 16

Непонимавших его было довольно и между студентами и это было предметом самых сильных его огорчений. Он страдал за этих молодых людей, бывших не в состоянии возвыситься до усвоения духа Писания, *зане суть плоть*. Но вообще влияние его преподавания было плодотворно и прошло светлой полосой в истории богословской кафедры в казан-

с. 17

ской академии. Ректор Агафангел, представляя его в 1857 году к награде писал: «Особенно достойно внимания высшего начальства нравственное его влияние на студентов по инспекторской должности и глубоко основательному преподаванию богословских истин, при изъяснении которых он вводит студентов в самый дух и силу божественного откровения и глубоко утверждает в студентах чувство веры и сердечное расположение к осуществлению учения веры в жизни и поступках». Сам о. Феодор был доволен студентами и после с удовольствием вспоминал о своей жизни между ними: «Я имел редкое счастье, — писал он в упомянутой книге «О современных потребностях» (стр. 481), — видеть в обществе молодёжи точно живой организм, в котором каждый член знает своё дело и все члены свободно и самостоятельно следуют одному началу». Но это редкое в его жизни счастье продолжалось, к сожалению, очень недолго, всего года два с небольшим, до приезда в казанскую академию (в 1857 г.) нового ректора архимандрита Иоанна Соколова.

Служебное положение Феодора было не легко и раньше этого. Окружавшая его административная обстановка в академии, вся основанная на строгих дисциплинарных началах, на ветхозаветном законе, как он по своему выражался, была совершенно противна его убеждениям, душила его до того, что он несколько раз порывался в отставку, подавал о том прошения и был удерживаем на академической службе преосвященным Григорием. Всегда и во всём откровенный, он прямо, не стесняясь, высказывал своё недовольство и перед ректором, и перед сослуживцами, и даже перед студентами и, разумеется, возбуждал этим против себя неудовольствие. Академические монахи были против его направления, особенно против его горячего и твёрдого: «не можем не глаголати, — горе мне, аще неблаговестую», винули его в духовной гордости и советовали изменить свои непрактичные убеждения. При ректоре Иоанне положение его сделалось окончательно невыносимым. Они представляли между собою полный контраст. Иоанн был человек гордый, презрительно относившийся ко всем окружающим, в науке — исключительно рассудочного направления, диалектик и даже софист. Он взглянул на инспектора Феодора как на какого-то юродивого, бесцеремонно осмеивал его, отменял его распоряжения, в пух и прах разбивал своей диалектикой его богословские положения даже перед студентами, на лекциях и на экзамене, и этим больно огорчал бедного о. Феодора. Студенческая жизнь при новом ректоре стала быстро изменяться в сторону подзаконной работы *точию пред очима*, так противной о. Феодору, и начала всё более и более уходить из-под его влияния. Вскоре ректор успел и совсем выжить его из академии. В апреле 1857 года приехал в академию Иоанн, а в начале (8 января) 1858 г. Феодор был перемещён на должность члена петербургского комитета духовной цензуры.

Многие в академии даже радовались, что он попал на такую должность, где ему нужно было иметь дело не с людьми, а с книгами. Но сам он тяжело чувствовал недостаток аудитории, которой его так внезапно лишили: теперь и «глаголати» стало некому, — оставалась без удовлетворения самая непреодолимая его духовная потребность, которую он притом же возводил до высоты священнейшего своего долга пред лицом Единородного. К счастью, с новым царствованием Александра II были значительно ослаблены прежние строгости цензуры, не исключая и цензуры духовной, и для о. Феодора открылась возможность для сообщения своих идей воспользоваться недоступной ему прежде печатью, тем более что он и сам состоял цензором. Со времени своей московской службы до 1858 года он ничего не печатал, довольствуясь устной проповедью своего учения в аудитории; с этого года его литературные произведения одно за другим стали появляться в свет то отдельными брошюрами, каковы: «О принципах или началах в делах житейских или гражданских» (СПб., 1858), «О картине Иванова» (СПб., 1858), то журнальными статьями, которые помещались в «Страннике» Гречулевича («Странники», «О современности в отношении к православию»), «Духовной Беседе» («Об Иване Яковлевиче Корейше», «Евангелие, читаемое на царских молебнах»), «Сыне Отечества» (в свою защиту от нападений Аскоченского и ещё по поводу статей 1862 г. об Арсении Мацеевиче и другие). В конце 1860 года из разных, и напечатанных раньше, и вновь написанных статей он составил целый сборник и с помощью редакции «Странника» издал его отдельной книгой под заглавием: «О православии в отношении к современности»; тогда же издал он свои «Несколько статей об апостоле Павле» и затеял издание своего толкования на Апокалипсис.

Издание первой книги накликало на него новые беды. «Православное Обозрение» (новый тогда московский журнал) сделало об ней хороший отзыв. Но против неё и против самого «Православного Обозрения» с ожесточением восстал в своей «Домашней Беседе» известный В. И. Аскоченский, — этот барон Брамбеус нашей духовной литературы 60-х годов и *Domini capis* (старинный каламбур к «доминиканец») православия, несколько лет унижавший последнее пред тогдашним либеральным обществом крайне фанатичной, узкой по взглядам и неприличной по задорному и ругательскому тону его защитой. Он вздумал отомстить о. Феодору за то, что этот, возмущаясь его направлением, не пропустил, по должности цензора, несколько его статей; ещё раньше он посылал в конференцию петербургской академии протест против своего цензора, написанный в крайне неприличном и оскорбительном тоне, но этот протест оставлен был без последствий. Не потрудившись далее прочитать книгу о. Феодора как следовало, с толком, острословный и желчный борзописец прямо напустился на него с разными ругательствами, придирками и инсинуациями, задевая даже чистоту его православия и всегда безупречную нравственность: «нравственная де проказа, таившаяся доселе под покровом священной одежды света и истины, выступила наружу» и прочее.¹ Тревога, поднятая им, обеспокоила даже высшее начальство. Митрополит Исидор склонялся более на сторону Аскоченского и сердился на о. Феодора, слагая всю вину этой тревоги на него. Обер-прокурор Святейшего Синода граф А. П. Толстой вошёл о произведённом соблазне в нарочитую переписку с митрополитом Филаретом. Филарет с своей стороны тоже писал об этом предмете и к нему, и к петербургскому митрополиту. Защищая свой московский журнал, а отчасти и о. Феодора, он обращал особенное внимание властей на неосторожность самой петербургской цензуры, цензора архимандрита Сергия, который дозволил Аскоченскому печатать такие соблазнительные статьи, могущие возбудить «неприятное удивление тому, что пред очами высшего начальства один священнослужитель угрызает другого. По справедливости, — писал он, — должно полагать, что дело сие призывает внимание высшего духовного начальства, чтобы... пресечь продолжение соблазна».² О Феодоре митрополит отозвался как о человеке с «образом мыслей, не подлежащим сомнению», и с таковой же «нравственностью», но видно было, что он остался всё-таки крайне недоволен всей этой историей и в одном месте письма к графу Толстому,³ говоря о тёмном изложении разбираемой книги, сорвал сердце и на о. Феодоре; «он (Феодор) говорит неправославно не потому, что думает еретически, но потому, что думает и говорит бестолково».

с. 20

С этого времени и начались те несчастья и стеснения литературной деятельности о. Феодора, которые вскоре довели его до рокового шага в его жизни. Ещё в 1861 г., во время самого разгара поднятой Аскоченским тревоги, Феодор был уволен от должности цензора и послан в Никитский монастырь г. Переяславля Владимирской епархии в число братства. Потом началось дело об его толковании Апокалипсиса, которое ещё в 1860 г. он успел провести чрез петербургский комитет духовной цензуры и запродавал книгопродавцу Овсяникову для издания. В 1861 г. книга эта, приготовленная в двух значительных частях, уже печаталась. Злобствуя на автора, Аскоченский напечатал в своей «Домашней Беседе» инсинуационное объявление о скором выходе этого произведения архимандрита Феодора, после чего Святейший Синод, по предложению митрополита Исидора, потребовал тетради его из типографии к себе на рассмотрение и остановил их издание. Распоряжение это сильно поразило Феодора. Кроме того, что ему крайне неловко было пред книгопродавцем, у которого он взял уже часть гонорара до 300 рублей, ему приходилось снова переживать тревогу о судьбе многолетнего и любимого своего труда, которым он всего более надеялся послужить делу истины Христовой. Мучительное состояние, в каком он находился, ожидая решения участи своего толкования, продолжалось около года. Наконец, в 1862 году оно было запрещено к печатанию и отобрано в архив Святейшего Синода. И вслед за этим решением непосредственно Феодор подал прошение о снятии с себя сана и монашества. Началась тяжёлая для

с. 21

¹ *Домашняя Беседа*. — 1861. — № 7.

² *Филарет, митрополит*. Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета по учебным и церковно-государственным вопросам / Митрополит Филарет. — М., 1887. — Т. 5, ч. 1. — С. 34–41, 43–50.

³ Там же. — С. 35.

него история увещаний и со стороны духовного начальства, и со стороны любивших его людей, но он остался твёрд в своём решении.

Литературная деятельность его между тем не ослабевала до самого времени подачи прошения, но его стали избегать в редакциях столичных журналов и он должен был издавать свои труды большею частью отдельными книжками. Так, в 1861 г. в Петербурге были изданы им «Три письма к Гоголю, писанные в 1848 году», «О Новом Завете Господа нашего И. Христа»; в 1862 г. «Изъяснение I главы Бытия о миротворении». В 1862 г. ему удалось найти приём в журнале «Духовный Вестник» и он напечатал в нём сочинения: «Святой Иов многострадальный» и «О святом пророке Исаии и его книгах» (издано потом отдельно в Москве в 1864 году). За конец 1862 г. и за 1863 год не знаем уже ни одного его сочинения. Он находился тогда в невыносимо тревожном ожидании, чем кончится его дело о снятии сана и какое последует затем определение об его гражданском положении. Решение это последовало в половине 1863 года. Он оставлен был в правах своего первоначального состояния, то есть как дьяконский сын и кончивший курс академии, но без права государственной службы. Расстрижение последовало 31 июля при владимирской духовной консистории, по подведомству последней Никитского монастыря, как места последнего пребывания Феодора.

Сложение им сана произвело сильное впечатление и среди духовенства, и в мирском обществе, — это было тогда явление редкое и необычайное. Люди, не знавшие о Феодоре, посмотрели на этот факт, конечно, с разными пересудами или шуточками и подмигиваниями, особенно в виду его скорого брака. Да и знавшие его в большинстве отнеслись к его поступку с недоумением, и только немногие подозревали, какая под ним скрывается тяжёлая трагедия. Сам о. Феодор, теперь уже А. М. Бухарев, в письмах своих к А. В. Горскому¹ и М. П. Погодину² объяснял свой шаг с одной стороны нравственной для него «невозможностью оставаться в противных совести отношениях беспрекословного (по монашеским обетам) повиновения своему духовному начальству», препятствовавшему выступать ему с своим учением в печати, с другой стороны тем, что монашеское звание в связи с первою причиною мешало ему действовать на мирское общество, между тем как проведение духовных, благодатных начал в мирскую жизнь, сведение духовного до мирского, «чтобы понемногу и последнее, по его выражению, поднялось до значения и силы первого», он считал самою главною и ответственною своею обязанностью, как духовного учителя, делом всей своей жизни и ближайшим способом своего сообразования Единородному, Который снисшёл во всю нашу житейскую низменность, чтобы возглавить её Собою. И вот проповедник Его и сам разрушил то средостение, которое, как ему казалось, отделяло его от мира, и вошёл с своею проповедью в самую мирскую жизнь в звании простого мирянина. Зная младенческую его чистоту, его всегдашнюю правдивость, его полную неспособность к каким-либо компромиссам и всегдашнюю какую-то даже детски-наивную прямолинейность во всех действиях и в самых мыслях, мы с своей стороны принимаем все эти объяснения его с полным доверием к их искренности и правдивости, тем более, что они вполне оправдываются и на деле всей его последующей жизнью.

В миру и в брачном состоянии он остался совершенно таким же человеком идеи и веры, каким был прежде в сане архимандрита, переименовав одно только имя. Ради своей идеи он выстрадал весь позор расстрижения, пожертвовал всеми правами и выгодами своего прежнего положения и остался положительно ни с чем, кроме твёрдой веры в то, что «Сам, снисходивший до потребностей в пище, питье, одежде и жилище, не оставит и его в удовлетворении этих потребностей». Теперь он всецело предался своему учительскому призванию, учил и устно, в разнообразных кружках людей, с которыми приводилось ему сталкиваться, большею частью из простого народа, и письменно, ведя обширную корреспонденцию и издавая свои сочинения, насколько хватало у него возможности и скудных средств. Кроме «Изъяснения на I главу Бытия о миротворении» и Исследований об Иове и о пророке Ис-

¹Смирнов, С. К. История Московской духовной академии до её преобразования / С. К. Смирнов. — М., 1879. — Приложение 12.

²Погодин, М. П. Воспоминание об Александре Матвеевиче Бухареве (Архимандрит Феодор) / М. П. Погодин // *Московские Ведомости*. — 1874. — № 84.

айи, печатавшихся в «Духовном Вестнике» за 1862 год и изданных отдельными книжками в 1864 г., им напечатаны в этом же году:

- Святой пророк Иеремия,
- Святой пророк Иезекииль,
- Святой пророк Даниил,
- О подлинности и целости священных книг пророков Исаяи, Иеремии, Иезекииля и Даниила,
- Исследование о достоинстве, целости и происхождении 3 книги Ездры,
- Письма о благодати святых таинств церкви православно-кафолической,
- Печаль и радость по слову Божию, — очерки священных книг Плача Иеремии и Песни Песней с прибавлением об Апокалипсисе и 3 книге Ездры

— всё в Москве и с подписью мирского имени автора. В последнем сочинении он успел провести главные свои мысли из запрещённого толкования на Апокалипсис, о запрещении которого не переставал грустить всю свою жизнь. На первых порах сгоряча он хотел было писать о неправильности этого запрещения даже прошение на Высочайшее имя и искать таким образом суда с своим духовным начальством пред престолом самодержавия, но оставил это намерение, так как оно было бы уже восстанием против духовной власти. Потом у него была мысль, внушённая ему, кажется, Погодиным, издать своё любимое произведение за границей, но тоже не была исполнена.

Все перечисленные работы были работами ещё прежнего времени его профессорской службы. В 1865 году этот старый запас исследований у него, вероятно, истощился и ему пришлось работать уже вновь, что было крайне тяжело при слабости его физических сил и неблагоприятной для работы бедной обстановке. За этот год он успел издать только одну, впрочем, значительного объёма (в 633 страницы) книгу: «О современных потребностях мысли и жизни, особенно русской» (М., 1865), представляющую собою сборник разнообразных статей, направленных к применению богословских идей автора к разным современным вопросам — о преобразовании судов, о взаимных отношениях помещиков и освобождённых крестьян, о торговле и ремёслах, о вопросе польском, о современной журналистике и литературной критике, образовании духовенства, о романах Чернышевского («Что делать?») и Тургенева («Отцы и дети»), о современных направлениях и прочем. В 1866 г. вышли его брошюры:

с. 25

- О подлинности апостольских посланий,
- Моя апология по поводу критических отзывов о книге: «О современных потребностях мысли и жизни»,
- Об упокоении усопших и о духовном здравии живых;

в 1868 — статья в «Душеполезном Чтении» «Воспоминания о пребывании на казанской кафедре преосвященного Афанасия».¹

Литературный труд, дававший единственно возможный заработок автору, очевидно, ускользал из его рук всё более и более. Книги его раскупались плохо и оплачивались издателями скупо. В журналах, по своему направлению, статьи его не принимались как не подходящие для редакторов, не исключая и печатавшего его прежде редактора «Сына Отечества». Даже бывший его сослуживец по Московской академии Гиляров-Платонов не принял в свою газету каких-то двух его статей.² В конце 60-х годов Александр Матвеевич послал статью о «Преступлении и наказании» Достоевского в «Беседу» Кошелёва и Юрьева, с которыми свёл его Погодин, — она тоже не нашла здесь места и была напечатана уже по смерти автора в «Православном Обозрении»;³ там же в 1884 г. напечатана была ещё такая же, в своё время завалившаяся статья «О Филарете, как плодотворном двигателе

с. 26

¹Бухарев, А. М. Воспоминания о пребывании на казанской кафедре преосвященного Афанасия / А. М. Бухарев // Душеполезное чтение. — 1868. — № 3: Известия и заметки.

²Гиляров-Платонов, Н. П. Из пережитого. Автобиографические воспоминания / Н. П. Гиляров-Платонов. — М., 1886. — Т. 2. — С. 294.

³Бухарев, А. М. О романе Достоевского «Преступление и наказание» по отношению к делу мысли и науки в России / А. М. Бухарев // Православное обозрение. — 1882. — № 8. — С. 723—733.

развития православной русской мысли».¹ сочинение Александра Матвеевича: «И. Христос в своём слове», о котором цензор его архимандрит Михаил, после епископ курский, отзывался как о наиболее ясном и общедоступном труде Бухарева; Погодин хотел напечатать его в своей типографии, но эта типография, за смертью фактора-арендатора, тогда остановила свою работу, и рукопись осталась не напечатанной. Где-то она теперь?

Неблагодарный в материальном отношении, литературный труд далеко не удовлетворял труженика и в нравственном отношении, как высоко им ни ценился, и доставлял ему только тяжкие огорчения. Шли памятные 1860-е годы, когда всякая проповедь вроде Бухаревской была гласом вопиющего в пустыне и пропадала совершенно даром, только надрывая грудь проповедника. Александр Матвеевич не мог этого не чувствовать и не болеть душою.

Мне хотелось бы, — писал он Погодину, — чтобы знамя Христово прямо и твёрдо поднято было, как единственно верное руководство и прочное основание на всё среди всяческих настроений и потрясений нынешних... Но другие требуют какой-то постепенности, боясь на первой поре текстов и самого имени православия. Бог ведаёт, много ли дадут мне простора в журнале,² и много ли я сам могу в нём разговориться.

В другом письме:

Русские люди не находят необходимым стать своею мыслию и словом с твёрдостью и неуклончивостью под начало православия, в чём наша слава и все надежды. Видите, опасаются испугать или, лучше сказать, сами пугаются известной партии, презирающей веру вообще, а православную в особенности, а эта партия по тому самому гордо поднимает свою голову, сознавая в себе силу только от нашего духовного бессилия и малодушия, действительно жалкого. Нет, не мне тут работать: буду лучше в уединении беседовать с пророками, если Бог даст и если ещё проживу сколько-нибудь.

с. 27

Несмотря всё-таки на такое разочарование во влиянии своих трудов, он не оставлял их до самой смерти и работал что было сил. При самой кончине он всё ещё думал о своём Апокалипсисе и о книге Ездры и всё собирался исправлять и совершенствовать эти произведения. Так говорит автор его некролога в «Голосе»,³ описавший его частную жизнь по расстрижении и последние его дни.

Жизнь его по снятии сана была, конечно, полна всяких лишений. В критическое время, время самого тяжёлого душевного состояния, когда он слагал с себя сан и мог дойти до полного разлада с жизнью и людьми, нашлась добрая женская душа, которая вошла удивительным образом в его воззрения, отнеслась к нему с полным сочувствием и решилась разделить с ним его плачевную участь и бесславие. Это была дочь помещика с. Вашки Переяславского уезда Анна Сергеевна Родышевская, в семействе которой А. М. Бухарев был принят во время своего проживания в Никитском монастыре. Брак их совершён 16 августа 1863 года. Она усладила горечь последних 8 лет его жизни, смягчила начинавшееся раздражение его к людям, сделалась достойным другом его даже в его занятиях, его утешительницей и его, можно сказать, сестрой милосердия. Жили они то в Твери, то в Ростове, а к концу жизни Александра Матвеевича в Переяславле в большой бедности, получая содержание отчасти от скудных литературных заработков Александра Матвеевича, отчасти на небольшие пособия бывших его учеников и почитателей, перебиваясь день за день. Самая значительная жертва во 100 рублей была однажды прислана им от митрополита Филарета, который не забывал своего бывшего подчинённого профессора и жалел его. В «Петербургской Газете»⁴ кто-то напечатал даже корреспонденцию «Бедственное положение бывшего архимандрита Феодора». А в «Новом времени»⁵ одним из бывших студентов Казанской академии Ф. Ливановым помещено было даже воззвание в пользу Бухарева к общественной

с. 28

¹Бухарев, А. М. О Филарете, как плодотворном двигателе развития православной русской мысли / А. М. Бухарев // *Православное обозрение*. — 1884. — № 4. — С. 417—449.

²Речь шла о сотрудничестве его в «Беседе» Кошелёва.

³Некролог / *Голос*. — 1871. — № 121.

⁴*Петербургская газета*. — 1868. — № 74.

⁵*Новое время*. — 1868?. — № 105.

благотворительности, против которого Александр Матвеевич, впрочем, сильно протестовал. Он искал себе каких-нибудь определённых занятий для обеспечения своей жизни, места секретаря в какой-нибудь редакции, приказчика в книжном магазине, хотел переселиться в Варшаву и заняться там изданием особого русского журнала, для которого придумал и название («Слово Крёстное»), и сочинил уже программу, но все эти предприятия ему не удавались. Между тем здоровье его, и всегда слабое, окончательно расшатывалось трудами и особенно тревогами последних лет.

В последний год жизни он ездил по литературным своим делам в Москву, где его видел Погодин. Александр Матвеевич жаловался на боль в груди, одышку, мучительный кашель, слабость и изнурительные ночные поты, но оставался всё тем же одушевлённым проповедником Агнца Божия, вземлющего грехи мира. На Погодина он произвёл обаятельное впечатление:

Я нашёл в нём человека, проникнутого до такой степени истинами и духом христианства, какого я никогда не встречал и вообразить не мог. Это был восторг, одушевление, умиление, горячее сердце, стремление к добру путём Христовым. Мне было сладко слушать его. Вот такому человеку, подумал я, поручить бы в наш век неверия и легкомысленного вольнодумства прочесть по несколько лекций в университетах, академиях, институтах...

А в «Домашней Беседе» Асоченского продолжалась против бедного учителя всё прежняя травля с безжалостным азартным улюлюканьем и криками: расстрига!..

2 апреля 1871 г. А. М. Бухарев скончался от чахотки. В корреспонденции «Голоса»¹ трогательно описаны последние дни умирающего, которые он проводил в богомыслии, чтении Евангелия и благодарно-молитвенных воспоминаниях с своей супругой о милостях Божиих, явленных им в последние годы, и его тихая истинно христианская кончина (в пятницу святой Пасхи). Хоронили его в одной из приходских церквей г. Переяславля при многочисленном собрании народа, среди которого многие проливали об нём искренние слёзы; вся эта толпа, несмотря на дурную погоду, провожала его тело до самого кладбища.

с. 29

Потом «схоронили — позабыли». Замечательно мало писано у нас об этом бесспорно замечательном человеке.

- Краткое упоминание об нём и его письмо к А. В. Горскому в «Истории московской академии»,
- статья «Православного Обозрения» 1890 г. (кн. 1): «Благие деятели» Г. А., где говорится об его учении в родной тверской семинарии,
- краткая заметка в книге Гилярова-Платонова «Из пережитого»,
- несколько скудных некрологов, между которыми выдаётся только некролог в «Голосе» 1871 г. № 121,
- «Воспоминания» Погодина,
- статья «Церковно-Общественного Вестника» 1874 г. № 43,
- «Тяжёлое объяснение» «Домашней Беседы» 1871 г. № 18,
- несколько кратких рецензий на его сочинения в «Православном Обозрении» и «Духовном Вестнике»,
- ругательства по поводу этих сочинений «Домашней Беседы», —

вот и всё, что по крайней мере читали мы, когда нам пришлось говорить об нём в нашей «Истории казанской академии». Здесь мы в первый раз поместили, насколько было возможно, подробный очерк его личности и фактов его жизни за период его службы в Казанской академии, вместе с кратким анализом его богословских воззрений, который может служить кое-каким первоначальным пособием и при чтении его сочинений.

Позабыла нашего богослова и богословская наука. А напрасно. Курс его толкований на разные книги священного Писания и до сих пор не потерял своей цены и поучительности даже для специалистов этого предмета. Такого стройного, проникнутого одною идеею и изложенного оригинальным синтетическим методом курса священного Писания в нашей

с. 30

¹Некролог / *Голос*. — 1871. — № 121.

духовной литературе другого нет ещё и теперь. Вся Библия от книги Бытия до Апокалипсиса представляется у него цельной и необыкновенно законченной картиной Божия домостроительства о спасении человечества и непрерывно-преемственных степеней откровения Бога людям чрез Сына в связи с историей человечества и, в частности, избранного народа. В области догматического и нравственного богословия такое же важное значение имеет его сотериология,¹ специальный и центральный отдел всего его богословствования, весь основанный на идее бесконечной любви Божией, почивающей всею полнотою на Единородном Сыне и чрез Него уже изливающейся на мир в силе и дарах Святого Духа. *Без Него* — Единородного Слова *ничто же бысть, еже бысть*, и в мире естественном и в мире благодатном; Он один держит всю тварь в благоволении Отца, следовательно, в самом её существовании и благоустроении; Он один посредник и ходатай Бога и людей, следовательно — единственная основа, краеугольный камень всей религии. Но любовь Его ещё не исчерпывается этим: Он восхотел ещё *преискреннее приобщаться* людям, простирая на них свою благодать даже тем более, чем более *преизбыточествова* в них *грех*, удаление их от Него и ослабление первобытного их союза (религии) с Богом. Будучи Единородным, Он благоволил по Своей любви сообщить Своё сыновство и людям, наречи их Своею братиею и стать с ними пред любовью Отчею, как старший брат, *перворожден*, для чего принял на Себя даже самое естество человеческое, а с ним и всю греховность, отчуждавшую человечество от Бога, и всю происходящую отсюда мертвенность, чтобы упразднить их в полноте Своей собственной любви и божественной жизни, и с этим обновлённым человеческим естеством «седе одесную Отца», под осенением любви Отчей, не только уже как Бог, но и как Сын человеческий, именно как наш *перворожден*, даруя и нам дерзновение взывать к Отцу Его: Отче наш. Так самую сущность религии стала *велия благочестия тайна: Бог явися во плоти...* Судя по тем упрекам нашему русскому богословию, какие недавно мы читали в статье о. Светлова о Гладстоне, забыта нашими богословами и сотериология Бухарева. До сих пор у нас нет даже полной библиографии его сочинений, кроме только более из них крупных.

с. 31

Печатаем наш краткий очерк главным образом в тех видах, чтобы возобновить память об этом замечательном человеке и дать хоть некоторый толчок к собранию более подробных об нём сведений и к лучшей оценке его богословских трудов. Не будет, полагаем, нескромностью с нашей стороны, если мы приведём здесь несколько строк из полученных нами в последнее время писем одного почтенного духовного лица из усердных почитателей А. М. Бухарева.

с. 32

Крайне желательно, — пишет уважаемый корреспондент, — чтобы ко дню 25-летней памяти Александра Матвеевича в наших духовных журналах появилась обстоятельная его биография, чтобы деятели русской богословской науки помянули добром этого замечательного религиозного мыслителя и публициста... Большинство современников он не был понят; многими он был жестоко осмеян и опозорен. Быть может, писания его не приходились по вкусу тогдашнего времени, но теперь, при пробуждающемся интересе к религиозным вопросам даже в светском обществе, думаю, было бы весьма уместно вспомнить о Бухарева и о сочинениях его... Вот я в течение 20 лет пытаюсь найти подробнейшие сведения об нём, особенно об его мирской жизни по снятии монашества, и нигде их доселе не нашёл... Ведь это был единственный в своём роде у нас человек... Такие из сочинений его, как о Новом Завете, «О православии в отношении к современности», «О современных духовных потребностях мысли и жизни», «Письма о благодати святых таинств», должны быть настольными книгами всякого священника, всякого православного богослова и благочестивого мирянина, желающего разумно ориентироваться в своём христианском мировоззрении.

Следовало бы, говорится в другом письме, заинтересовать сочинениями его общество.

Не век же им, право, пылиться на магазинных полках; надобно им когда-нибудь увидеть свет Божий и сделаться достоянием русского религиозного сознания. Мне

¹Сотериология — учение о спасении души. — *Ред.*

всегда было завидно, как светские широко чтут память своих писателей. Вот в прошлом году, через сто лет, отыскали Григория Сковороду, — и что же? Издают его сочинения, пишут биографии и в месячных журналах, и в недельных, читают об нём рефераты в собраниях. Но неужели Бухарев хуже Сковороды?

Охотно подписываемся под этими заявлениями и мы.

Указатель

Агафангел ректор	7, 10	Никитский монастырь	11, 14
Апокалипсис	6, 7, 10, 13, 14	Переславль город	11, 14, 15
Аскоченский В. И.	11, 15	Погодин М. П.	12–15
Борисов И.	4	Родышевская А. С.	14
Бровкович Н.	4	Ростов город	14
Варшава город	15	Светлов	16
Вашки село	14	Синод	11
Гиляров-Платонов Н. П.	6, 13	Сковорода Г.	17
Гоголь Н. В.	5	Соколов И.	4
Горский А. В.	12	Тверь город	14
Григорий преосвященный	5, 7, 10	Толстой А. П.	11
инспекция	8	Тургенев И. С.	13
Иоанн архимандрит	4	Филарет митрополит	4–7, 11, 14
Иоанн ректор	10	цензура	10
Исидор митрополит	11	Чернышевский Н. Г.	13
Казанская академия	7	Юрьев	13
Кошелёв	13		
Ливанов Ф.	14		
Михаил архимандрит	14		
Московская академия	4		

Оглавление

Об авторе	3
Печальное двадцатипятилетие	4
Указатель	18